

и определяемое произносится без паузы, называя одно понятие. В предложении одно сообщение: *Воздушная лестница | неслась вверх.*

В 3-м предложении между словоформами *лестница* и *воздушная* полупредикативные отношения: реальный признак *воздушная* приписывается предмету мысли наряду с основным признаком (*неслась*) и совпадает с ним по времени проявления. В предложении сообщается о двух признаках предмета мысли, приписываемых ему в речи: основном (*неслась*) и дополнительном (*воздушная*). Дополнительный признак необходимо выделить, чтобы не затруднялось восприятие основного признака предмета мысли, что и осуществляется интонационными средствами в устной речи и графически — в письменной: *Лестница, | воздушная, | неслась вверх.*

В таком предложении два сообщения (*Лестница неслась вверх. Она была воздушная*), следовательно, два логических ударения.

Назначение полупредикативного члена — более полно характеризовать предмет мысли, что увеличивает объем информации, заключенной в простом по структуре предложении.

¹ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 21.

² Там же. С. 22.

С. М. ПРОХОРОВА

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Концепция лингвистической непрерывности имеет длительную историю, ее истоки восходят к концу 50-х годов XIX столетия и связываются с именем швейцарского ученого А. Пикте (1799 – 1875). Наиболее глубокое выражение эта концепция получила в теории волн (Г. Шухардт, И. Шмидт). Вышедшая в 1872 г. в Веймаре работа И. Шмидта «Взаимоотношения родства индоевропейских языков» оказала огромное влияние на развитие лингвистики. И. Шмидт сделал открытие о том, что каждый отдельный индоевропейский язык можно рассматривать по отношению друг к другу как переходный язык и что все индоевропейские языки связаны между собой сетью переходных явлений. Он сделал вывод, что географически ближе расположенные друг к другу языки больше имеют между собой сходства, чем языки, более далеко отстоящие, что существует постепенный переход от индийских языков через иранские к славянским и от последних к литовским (балтийским). И. Шмидт выделил славяно-латышский язык, который, как он полагал, не мог оторваться ни от немецкого, ни от арийского, а представляет органическое переходное звено от одного к другому.

А. И. Соболевский утверждал, что теорию волн можно применить к белорусским говорам. По мнению А. И. Соболевского, белорусские говоры своеобразны и поэтому представляют огромный интерес для лингвиста. Сравнивая говоры московский, вяземский, смоленский и оршанский, Соболевский писал: «Границы — в обыкновенном смысле — нет; между наиболее западным вполне великорусским говором и наиболее восточным говором, вполне белорусским, переливается из одного в другой длинный ряд промежуточных говоров, которые нельзя назвать ни великорусскими, так как в них есть белорусские особенности, ни белорусскими, так как они не свободны от великорусских особенностей»¹. Это уже намечает теорию переходных говоров в русской лингвистике.

Теория переходных говоров обоснована составителями первой диалектологической карты (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым), но в общих чертах она разрабатывалась А. А. Шахматовым, А. И. Соболевским и другими учеными. Составители первой диалектологической карты считали, что «переходный говор представляет собою третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, из которых он образовался»². Исследователи четко разграничивали смешанные и переходные говоры.

В конце XIX в., во время зарождения лингвистической географии, обнаружили факты несовпадения границы отдельных языковых явлений, что привело к тому, что Г. Шухардт, П. Мейер, Г. Парис, Ж. Жильерон и др. представители романской диалектологической школы отрицали суще-

ствование диалектов, признавая только границы отдельных диалектных явлений. В то же время немецкие и швейцарские диалектологи (Ф. Вреде, К. Хааг, Т. Фрингс и др.) доказали реальность диалектов, выявив ядро (центр) и периферию. Периферией считались пограничные зоны, или «зоны вибрации», где представлены пучки изоглосс. Начиная с 40-х годов XX в., когда был введен термин «пространственная (ареальная) лингвистика» (М. Дж. Бартоли и Дж. Видосси), языковой ландшафт интерпретируется как лингвистически непрерывное пространство генетически связанных диалектов, в котором можно выделить центр и периферию. Принято выделять три основные зоны диалектного континуума: центральную, маргинальную и переходную. Мнения ученых по поводу центральных и маргинальных зон не всегда совпадают. В частности, М. Бартоли считал балтийские языки маргинальными, так как маргинальные зоны более архаичны, а А. Мейе считал эти языки центральными. В то же время Дж. Девото утверждал, что маргинальных языков не существует, а существуют лишь маргинальные явления.

Переходные зоны, как правило, вибрационные, в них выделяются зоны диффузии. Диффузные зоны являются нечеткими, расплывчатыми. Переходные языковые зоны свидетельствуют о том, что четкие границы между генетически родственными языками отсутствуют, они характеризуются языковой аттракцией. В развитии теории переходных говоров большой вклад внесли славянские исследователи – З. Штибер, К. Дейна, Т. Зданцевич, М. Малецкий, И. Белич, Ф. Травничек, А. Лямпрехт и др.

Языковая зона, синтаксис которой мы изучали (Зап. Смоленщина), в современном языковом ландшафте является переходной русско-белорусской. Н. И. Толстой считает Смоленщину типичной переходной зоной³. Это зона периферийная, на отдельных участках вибрационная, или диффузная. Согласно теории волн, такие зоны не являются центрами инноваций, но, по нашим наблюдениям, своеобразные инновации возможны в диффузных зонах, примеры таких инноваций будут приведены в настоящей статье, хотя мы во многом согласны с Э. А. Макаевым, полагавшим, что исследователь, пытающийся решить вопрос о том, что является инновацией и что архаизмом в том или ином ареале, попадает в порочный круг⁴.

Синтаксические изоглоссы, по нашим наблюдениям, очень редко соотносятся с изоглоссами иных уровней. Термин *переходность*, с одной стороны, соотносится с термином *языковая непрерывность*. В этом смысле этот термин прилагается к переходным зонам в современном языковом ландшафте; наличие таких зон свидетельствует о невозможности проведения четких границ между языками.

С другой стороны, выявляется *собственно переходность*, которая понимается нами как поле одного языкового явления. Центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому явлению. Центр собственно переходности чаще всего расплывчатый, неконтактный. К примеру, в центре переходного поля употребления *как/як* в синтаксических конструкциях неосознанный русско-белорусский билингвизм выявляется на компактной территории вокруг Смоленска, а также этим характеризуются островки к югу, северу и западу от Смоленска⁵. Эти территории, где отмечается параллельное неосознанное употребление русских и белорусских синтаксических конструкций, и являются центром собственно переходного поля употребления *как/як*. На периферии представлено либо только *как* (севернее Смоленска), что включает говоры в русский ареал, либо только *як* (южнее Смоленска), что включает говоры в белорусский ареал. Вместе с центром и периферией исследованная языковая зона представляет поле переходности, т. е. языковой непрерывности. «Поле, – утверждал А. Ф. Лосев, – всегда континуум», а континуум – «диалектическое слияние раздельной системы со сплошными и непрерывными переходами одного ее момента в другой»⁶.

Являясь, с синхронной точки зрения, переходной русско-белорусской зоной, Зап. Смоленщина на синтаксическом уровне – зона не замкнутая. Тщательный анализ синтаксиса этой языковой зоны на широком славянском и балтийском фоне свидетельствует о том, что многие синтаксические черты, отмеченные в этой зоне, находят продолжение не только на восточнославянской, но и на других славянских территориях, в частности польской, словацкой и др. Много соответствий в говорах Полесья и Карпат. Н. И.

Толстой считает, что Карпаты и Полесье занимают особое положение в Славии. До конца IX в. Карпаты были южно-западно-восточнославянским пограничьем⁷. Есть соответствия и в русских говорах, удаленных от Смоленщины, в частности в воронежских и нижегородских. В результате исследования мы пришли к выводу о территориальной открытости, незамкнутости языковых зон Славии на синтаксическом уровне.

Н. И. Толстой пишет, что «современная Славия может быть представлена как некий прямоугольник или ромб с крупными островными включениями венгерской и румынской иноязычной среды». И далее: «Славянский языковой мир делится на три значительные части... при этом центр не противопоставлен периферии, а противопоставлены друг другу в различных комбинациях отдельные большие массивы»⁸.

Переходные говоры Зап. Смоленщины характеризуются и западнославянскими чертами, что коррелирует с выводами тех ученых, которые считают искусственными и нестрогими границы между западно-, южно- и восточнославянскими языками. Говоры Зап. Смоленщины по некоторым синтаксическим явлениям представляют собою переходное восточно-западнославянское поле, имеющее центр и периферию. К северу, западу и югу от Смоленска находятся островные ареалы центра переходного поля конструкций *пойти к соседу / пойти до соседа*, отмечены также центры переходных полей *пасти кони / коней, подоить коровы / коров*. На периферии последних полей отмечены островки только западных конструкций *подоить коровы и пасти кони*, причем ареал распространения последней конструкции шире по сравнению с первым⁹. В Шумячском районе (бассейн р. Сож) есть пункт, в котором отмечены только конструкции *подоить коровы и пасти кони*, параллельные восточнославянские конструкции в этом пункте отсутствуют.

Исторически на территории Зап. Смоленщины выявляется центр балтославянской переходности, который находится в бассейне р. Днепр. Здесь параллельно со славянскими употребляются синтаксические конструкции, типологически сходные с балтийскими. Как считают исследователи, славяне и балты «в области Верхнего Поднепровья веками жили друг с другом, нередко чересполосно; процесс ассимиляции балтов славянами занял несколько столетий»¹⁰. Вопрос о балтских следах в гидронимии Верхнего Поднепровья имеет солидную историю. Еще А. Л. Погодин, А. И. Соболевский, К. Буга, Е. Ф. Карский выявили по всему Верхнему Поднепровью плотный слой балтийских наименований рек и озер. Эти выводы подтверждены также исследованиями М. Фасмера, Т. Лер-Сплавинского, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева.

В Верхнем Поднепровье «наряду с местностями, где культура балтов сохраняла свою специфику, имелись и такие местности, где культура имела смешанный «балто-славянский» характер (речь идет о первом тысячелетии н. э. – С. П.). Древности такого типа имеются на Днепре несколько ниже Смоленска»¹¹. В бассейне Днепра нами выявлено сгущение балтских черт на синтаксическом уровне, но, как правило, они выступают только параллельно со славянскими, прежде всего восточнославянскими, или русскими. Анализ синтаксических особенностей показывает большую устойчивость конструкций, типологически совпадающих с балтийскими, влияние литературного русского языка на синтаксическом уровне незначительно. Можно предполагать, что тенденция к переходности проецируется на очень древнее состояние, если учесть, что, по предположению Х. Моэра, П. Н. Третьякова и др. исследователей, локализация балтов, их прародина как раз и находилась в области Среднего Поднепровья, откуда на рубеже III – II тыс. до н. э. началось быстрое расселение балтийских племен.

По нашим наблюдениям, в бассейне р. Днепр можно отметить центр переходного балто-славянского поля конструкций *благодарить кому / кого; переходного славяно-латышского поля ехать на каню / ехать с канём; переходного славяно-латгальского поля говорить кому / на кого*.

На периферии поля в бассейне р. Сож и ее притока р. Вихра отмечены островные ареалы, в которых отсутствуют славянские синтаксические конструкции, а представлены соответствующие балтийским -- *благодарить кому, либо только литовским – идти воды, моя голова болит*. В одном из пунктов Монастыршинского района отмечена соответствующая литовской конструкция *учиться учительницей*. Археологи, в частности П. Н. Треть-

яков, В. В. Седов и др., предполагали, что «на Соже, очевидно, славянский элемент появился позже, как и на Березине и Друти»¹².

В бассейне Зап. Двины выявляются островные ареалы явлений, типологически совпадающих с латышскими, преимущественно латгальскими. Только здесь отмечен небольшой ареал распространения конструкции *смеяться про кого*. Но спорадически латышские или латгальские синтаксические конструкции параллельно со славянскими употребляются на всей обследованной территории.

Большинство выявленных нами конструкций типа *сильней за брата, благодарить кому* и др. имеют достаточно широкий ареал распространения на славянской и балтийской территориях. Как правило, эти конструкции соответствуют как литовскому, так и латышскому, и латгальскому языкам. Сюда же можно отнести конструкцию типа *сильней как брат*, имеющую относительно узкий ареал распространения.

Часть конструкций соответствует только литовским – *смеяться с кого, идти воды, идти в грибы, моя голова болит*, другая часть – только латышским или латгальским – *смеяться про кого, говорить на кого* (в значении «говорить кому»), распространение предлога *с* при творительном падеже.

Преимущественно балтизмы характеризуют правую валентность и преобладают в синтаксическом поле объекта простого предложения. Отмечены балто-славянские инновации в поле предиката и на периферии поля субъекта. В сложном предложении на обследованной территории балтизмы отсутствуют.

Следует обратить внимание на присутствие описанных балтизмов в славянских литературных языках стран, входивших ранее в ВКЛ и Речь Посполитую, – польском, белорусском, украинском, а также в отдельных языках западного и южного славянских ареалов, в то время как в русском литературном языке они отсутствуют.

Исходя из сказанного, переходность можно рассматривать с синхронной и диахронической точек зрения. С точки зрения синхронии, исследованные говоры Зап. Смоленщины на синтаксическом уровне являются переходными русско-белорусскими, о чем свидетельствует синтаксис не только простого предложения, но прежде всего синтаксис сложного предложения. В то же время эта зона является территориально незамкнутой. В простом предложении здесь фиксируется восточно-западнославянская переходность. С точки зрения диахронии, отмечен еще и третий слой переходности – балто-славянской. Последнее свидетельствует о древности исследуемых говоров. В пользу древности говорит и то, что на обследованной территории отмечены отдельные пункты, в которых одновременно функционируют по три, а в некоторых даже по четыре синонимические конструкции¹³.

В заключение необходимо остановиться на лингвистической диффузии. Принято считать, что вибрационным зонам не свойственны инновации: они являются лишь территориями, на которые последние могут распространяться. Мы берем на себя смелость утверждать, что диффузия способствует образованию инноваций на различных языковых уровнях. Примерами диффузии являются описанные диалектологами переходные от оканья к аканью либо яканью типы вокализма. На Зап. Смоленщине в результате диффузии появились *ч* и *р* полумягкие, формы им. п. мн. ч. типа *крыл':а, калос':а*, в которых сочетаются русские и белорусские черты – флексия – *а* и в то же время ассимиляция звука *ј* предшествующим мягким согласным. Что касается синтаксического уровня, то нами отмечен только один случай диффузии, который выявлен в вертикальном поле объекта, когда объект подвержен активному действию (так называемая эффективная переходность). Эффективная переходность в ряде исследованных пунктов способствовала семантическому стяжению конструкции *мазать хлеб маслом* → *маслить хлеб*¹⁴. В свою очередь, диффузия способствовала появлению тавтологической конструкции *маслить хлеб маслом*, ареал которой отмечен к западу от Смоленска, причем глагол *маслить* в отдельных микросистемах принимает значение «мазать не только маслом», в силу чего появляются диффузные конструкции *маслить хлеб сметаной, вареньем* и под. Диффузные конструкции отмечены прежде всего в Руднянском и Краснинском районах, где они образуют достаточно обширный ареал. Небольшие ареалы отмечены в Демидовском (к северу от Смоленска), Хиславичском и Шумячском районах

(к югу от Смоленска). Таким образом, диффузия как процесс взаимопроникновения способствует появлению новых явлений на разных языковых уровнях. Количества таких явлений невелико. Причем диффузия не всегда способствует появлению признаков переходности между языками. Это потенциальное свойство диффузных зон.

Таким образом, переходность – это не только отношения между языком А и Б на разных исторических срезах. Это явление значительно более сложное, многоаспектное и противоречивое. К примеру, часть описываемой нами зоны может входить в состав других зон. В частности, А. С. Герд реконструирует Днепровско-Двинскую диалектную зону, куда включает как северную Смоленщину, так и северную Беларусь¹⁵. А. Б. Брейдак считает, что можно объединить в одну зону говоры восточной Латвии, юго-восточной Литвы, северо-восточной Польши, северной Беларуси и Псковской области России. В Латгалии он фиксирует дву- и даже трехязычие. Следовательно, границы славянских языковых зон могут перекрещиваться многократно.

¹ Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности. СПб., 1904. С. 7.

² Труды МДК. М., 1917. Вып. 1. С. 12–13.

³ Толстой Н. И. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 39.

⁴ См.: Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.; Л., 1964.

⁵ См.: Прохорова С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: Ареально-типологическое исследование. Мн., 1991. С. 130. Карта 22.

⁶ Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 23.

⁷ См.: Толстой Н. И. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. С. 39.

⁸ Там же. С. 39, 42.

⁹ Прохорова С. М. Указ. соч. С. 128; Карта 20; С. 112. Карта 4; С. 113. Карта 5.

¹⁰ Третьяков П. Н. // Acta Baltico-Slavica. VI. Białystok, 1969. S. 121.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Там же.

¹³ Интересным нам представляется предположение В. К. Журавлева о том, что большая вариативность свидетельствует о большей древности языка (См.: Журавлев В. К. // VI Международный съезд балтистов: Тез. докл. Вильнюс, 1991).

¹⁴ См.: Прохорова С. М. Указ. соч. С. 123. Карта 15.

¹⁵ См.: Герд А. С. // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.

И. Ф. УХВАНОВА-ШМЫГОВА

В ПОИСКАХ РЕАЛИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЯДРА ТЕКСТА

Моделирование плана содержания текста в рамках причинно-генетической теории позволяет осуществить синтез двух исследовательских традиций. Наглядно это можно изобразить в виде схемы, на которой представлено восемь основных, порождающих план содержания текста факторов*. Четыре из них (Социальная практика, Познавательная деятельность, Язык и Речь), являющиеся посылками семиотического и в дальнейшем деятельностного подхода к исследованию плана содержания полноценных, самостоятельно функционирующих лингвистических знаков, носят процессуальный характер. И в силу специфики протекающих процессов эти факторы формируют абстрактный, сущностный тип содержания, своеобразный идеальный конструкт человеческого сознания (отражение процессов деятельности через идеи). Последний воплощается в содержательно-организационных формах – ИЕРАРХИИ, СТРУКТУРЕ, СИСТЕМЕ, ЛИНИИ (идеи, реализованные в иерархическом, структурном, системном, линейном порядке). Взаимопроникновение этих форм естественно, ибо оно является продолжением взаимопроникновения порождающих их факторов. Но в данном случае мы идем в аналитическом направлении видения нашего объекта исследования и, значит, по пути расчленения исходных факторов, форм и, естественно, их наполнений, каковыми являются прагматический, гносеологический, парадигматический и синтагматический виды содержания.

* Об общих принципах построения такой схемы (семантической модели слова) см.: Вестн. БГУ. 1982. Сер. 4. № 3. С. 41 и далее. Данная же статья представляет собой её уточнение и развитие.